
Рассказы из истории

От редакции. В этой рубрике мы предлагаем Вашему вниманию материалы, излагающие в художественной форме исторические сюжеты, дополняющие материалы школьных курсов.

А.А.Краевский

Александр Македонский

ВЫБОР

(гИсс в Малой Азии, 333 г. до РХ)

Тишину нарушали только треск поленьев в костре и слабое позвякивание металла, когда кто-нибудь из присутствующих переминался с ноги на ногу. Шел дележ добычи. Все ждали, когда царь сделает свой выбор. Добычи было много.

Добычи было так много, что последний фалангит, вернувшийся на родину с причитающейся ему долей, становился состоятельным человеком. Царь персов Дарий Третий Кодоман бросил все: золоченые колесницы, драгоценную посуду, слитки золота и серебра, деньги, оружие, ковры, ювелирные изделия, произведения искусств, казну, семью, наконец, и постыдно бежал с поля боя при Иссе.

Сокровищ, оставленных им, было столько, что на них можно было купить всю Элладу, Великую Грецию, малоазийские города и в придачу эвксинские колонии.

Размеры долей при дележе заранее были установлены. Поэтому вначале все было спокойно – причитающееся никуда не денется. Каждому достанется столько, сколько ему отведено. Однако Александр не торопился делать выбор относительно своей доли.

Он все ходил вокруг гигантской кучи добра, присматривался, откладывая в сторону ненужное, подолгу вертел в руках

особенно понравившиеся вещи. У него блестяли глаза, а многочисленным участникам этой сцены стало казаться, что еще немного – и он возьмет себе все.

Филотас, начальник конницы и один из близких к царю людей, сказал своему отцу, прославленному полководцу Пармениону:

– Отец, если наш юный царь и дальше будет испытывать судьбу, я за его жизнь не поставлю и медного шекеля. Всегда найдутся смелые люди, которые не допустят произвол.

Парменион, человек педантичный и инициативой обделенный, до мозга костей преданный македонскому царскому дому, ответил сыну, кося по сторонам осторожным взглядом:

– Сын мой, твои речи тебя когда-нибудь погубят. Если Птолемей или Гефестион услышат тебя, гнев Александра будет ужасен.

– Отец, мы не варвары, чтобы сносить любую прихоть тирана. Мы греки, и тиранобуйство у нас в крови. Вспомни Горمودия и Аристокитона.

Парменион вздохнул и, как показалось Филотасу, с сожалением возразил:

– Горمودий и Аристокитон были греками. А мы с тобою, все войско и наш царь – македонцы. Нет среди нас тираноборцев, а значит, и говорить об этом не стоит. Пусть берет все, что ему понравится. Мы от этого не обеднеем.

Филотас, не найдя понимания у отца, обратил свой взор на окружающих. Гарпал наблюдал за действиями Александра, как

Андрей Александрович Краевский – учитель, Москва.

игрок на ипподроме, поставивший все состояние на колесницу, которая явно опаздывала. Лисимах, прекрасный организатор, военный инженер и тонкий психолог, накручивал бороду на палец, придавая ей схожесть с бородой персидского царя. Ему не нравилось замешательство Александра, и он заранее просчитывал ходы в предстоящих событиях. Певкетос и Кратер о чем-то раздраженно переговаривались, и причину их раздражения нетрудно было определить. Нервничали двое: Гефестион и Птолемей. Им не была безразлична судьба царя, и они прилагали максимум усилий, чтобы обезопасить его от любой случайности. Черный Клит, брат царевой кормилицы, в начале похода на Персию спасший жизнь царю в битве при Гранике, злобно сопел, раздувая огромные ноздри. Спокойными казались два совершенно разных человека: молодой критянин Неарх – личный друг царя, мореход, строитель кораблей, наварх, и Пердикка – могучий, властный старик, воспитатель Александра, повидавший на своем веку столько всякого, что казалось, будто он знает выход из любой ситуации.

Александр, еще перед битвой повздоривший с Парменионом и Филотасом, теперь раздражал последнего тем, что результат сражения показал – в споре царь был прав.

Филотас долго раздумывал, к кому подойти со словами осуждения царской алчности: к Певкетосу или к Клиту. То, что царь возьмет все, начальник конницы не сомневался.

Наконец выбор Филотас пал на Клита как на менее умного и более вспыльчивого, наделенного титанической силой. Обиженного на царя за то, что тот никак его не выделил после случая на реке Граник.

– Как долго выбирает царь! – притворно сокрушаясь, начал он свой разговор с Клитом. – Но это и неудивительно. Трудно во всей этой роскоши найти обноски и рвань, которые должны достаться нам.

Клит бросил полный злости взгляд на

Александра и ответил Филотасу в присущей ему самоуверенной манере:

– Филотас, у нас не может быть царя, презирающего людей, которым обязан жизнью.

Намек Клита на свою старшую сестру Ланису, выкормившую Александра грудью, расширял круг обиженных, вовлекая в него целый род. Другим обиженным родом Филотас считал свой.

– Клит, ты слепец. Вот он перед тобою. Неужели ты думаешь, что он поглощен выискиванием достойной награды своему спасителю?

– Я думаю, что у нас не будет такого царя. Слово Клита твердо, как и его рука!

А царь Александр, молодой человек, затеявший беспрецедентный в истории человечества поход, впервые в жизни увидевший воочию сокровища мифического Востока, не мог подавить в себе желание любоваться этим сокровищем снова и снова. Год назад в македонской царской казне денег было в сто раз меньше, чем долга. Внешне неброский быт македонских царей и эллинских правителей определялся несколькими объективными причинами. Во-первых, уже два столетия приоритетными ценностями считались талант и ум человека. Искусство и философия этого периода по праву считались вершиной того, что было ранее создано греками. Во-вторых, на Балканском полуострове было всего два небольших рудника: серебряный в Аттике и золотой в Македонии. Их мощностей едва-едва хватало на покрытие внутренних финансовых нужд. А в-третьих, средиземноморская торговля не могла допустить существования свободного, неинвестируемого капитала. Все средства были вложены в дело и приносили определенный доход, который по большей части тоже вливался в оборот.

На Востоке все было иначе. Сокровищницы были в определенном смысле символами власти, как царские дворцы и гаремы. Царь, не владевший всем этим в огромных количествах, подданными не вос-

принимался как царь. Отправляясь на войну, персидский «царь царей» брал с собой не только гарем и всю семью, но и большую часть сокровищ. Понятно, что на Дария блеск золота не мог произвести такого впечатления, как на его молодого соперника. Дарий воспринимал это как данность.

А Александр, молодой и эмоциональный, оказался в плену своих вполне естественных впечатлений. Он любовался сокровищами, забыв о времени, о воинском долге, о нарастающем осуждении его медлительности. Его широкая спина, как бы дразня, раз за разом оказывалась перед взором Черного Клиты. И брат Ланисы, необузданный нрав которого знало все войско, черный, как демон смерти, все сильнее сжимал тяжелую кавалерийскую сариссу.

Когда Александр в очередной раз повернулся к Клите спиной, Филота мысленно потирал руки, а Гефестион и Птолемей Лаг внутренне сжались, понимая, что не успевают помешать Клите; в этот самый момент Пердикка шагнул к царю, достал из-под груди финикийского пурпура ларец из ливанского кедра и протянул своему воспитаннику.

– Что это? – спросил Александр.

– Я думаю, если ты возьмешь этот папирус, твой учитель Аристотель похвалит твой выбор.

Александр открыл ларец и вынул из него папирус. Развернул и прочел наугад:

Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;

Только Терсит меж безмолвными каркал один празднословный;

В мыслях вращая всегда непристойные, дерзкие речи,

Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,

Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.

Он прочитал вторично, громко. Повернувшись и бросив взгляд на тех, кто стоял за спиной, дал понять, что от него ничего

не скрылось. И как Одиссей, он готов проучить безумноречивого. Просто ему сейчас не до этого.

Медленно накатывающийся ритм гекзаметра напомнил ему удары волн о побережье Аттики, где его великий учитель основал школу перипатетиков. Он вспомнил о великих подвигах своих предков Геракла и Ахилла, и желание еще раз прочитать об этом оказалось сильнее сокровищ, которые так и просились в руки.

Глаза у Александра горели, когда, подняв над головой свиток, он прокричал во всю мощь еще не пробитых легких:

– Я беру только это! Только это!

Филотас презрительно плюнул. Парменион улыбался ничего не выражающей улыбкой. Гарпал схватился за грудь, счастливо переводя дыхание. Кратер и Певкетос отвернулись, боясь выдать свое пренебрежение. Клит понял лишь одно: царь обделил самого себя. Птолемей Лаг и Гефестион облегченно вздохнули. Неарх оставался молчалив и спокоен, как всегда.

А Пердикка, наставник и воспитатель молодого завоевателя, чья страсть к познанию неизведанного не уступала жажде славы и подвигов, долго оставался неподвижным. Он наблюдал со стороны за царским шатром, в котором до зари горел свет. Пердикка знал, что Александр не успокоится, пока не перечитает все любимые фрагменты поэмы Гомера, любовь к которому привил Аристотель. И гордость за их общего воспитанника переполняла грудь старика.

Уже утром, когда от усталости все уснули, а рядом оставался только караул, Пердикка подумал:

– С какой стороны ни посмотри, а царь сделал правильный выбор. Учитель был бы доволен.

БОГ ДЛЯ ВСЕХ

(г.Баальбек в Ливане, 331 г. до РХ.)

Когда измученная переходами по Ливийской и Синайской пустыням македон-

ская армия вступила в плодородный район Калесирии, у всех возникла потребность в отдыхе. Лагерь был разбит неподалеку от крохотного городка Баальбек, что означало «Господин земли». Соратникам Александра название показалось забавным. Они знали Афины – жемчужину средиземноморского искусства. В Олимпии, Эфесе, Галикарнасе и Мемфисе они видели четыре чуда света и рассчитывали увидеть в Вавилоне пятое – висячие сады. Те, кто был на Евфрате, знали, что ни один город в Ойкумене не имеет права называться «Господином земли», как вечный город шумерцев. К тому же в дельте Нила Александр заложил огромный новый город с грандиозными постройками, одна из которых наверняка станет очередным чудом света. Но даже Александрия Египетская не перетянет на свою сторону все возрастающую державу молодого царя, не остановит его стремление на Восток.

Так почему же этот более чем скромный городок носит столь величественное название – Баальбек?

– Собственно, это не город, а храм бога воды и солнца, группа подсобных помещений, да жилища паломников.

– Бог солнца? – лицо Александра приняло сосредоточенное выражение. – Знаешь, Лисипп, когда варварский Восток впервые почувствует на своем одряхлевшем теле теплые лучи эллинского солнца, взойдет оно для него здесь, в Баальбеке. В Египте жрецы провозгласили меня сыном Зевса-Аммона, – Александр непринужденно улыбнулся: видимо, быть сыном бога ему было не только не в тягость, но и приятно, – так почему не попробовать повернуть вспять колесницу Гелиоса?

Он посмотрел в глаза старого скульптора и, как обычно, прочитал в них восхищение перед своими внезапными мыслями, полными вдохновенной силы.

– Царь, я восхищаюсь глубиной твоих планов. Действительно, только на соединении двух культур, нашей, эллинской, олицетворяющей гармонию интеллекту-

ального и физического развития человека, и древней культуры Востока, черпающей свои силы в неразрывности и взаимной подчиненности двух миров: внутреннего, духовного мира человека и внешнего, божественного, может произрасти новая, невиданная доселе культура...

– Да, – перебил его Александр, – только такая культура приемлема для нового гражданина моего государства, в котором только разум будет являться эквивалентом богатства.

Вошел Гефестион. Александр взглянул на него и понял, что друг собирается сообщить ему что-то интересное.

– Царь, позволь мне передать тебе приглашение жрецов осмотреть храм Баала.

– Я с радостью отправлюсь, как только подадут коней. Что ж... – он задумчиво почесал подбородок, – сроем горы, закрывающие Солнце!

Он улыбнулся, и глаза его засверкали.

Македонцам доставила удовольствие вальяжная верховая езда. Прекрасные наездники, они играючи управляли лошадьми. Молодые лица, шутки, которые подхватывает ветер, конское ржание. А самый молодой, самый сильный и самый мудрый молчалив. У него другие заботы. На порядок выше, чем у самого умного из его окружения.

Перед храмом все спешили, и прислуга подхватила поводья. Священнослужители в длинных тяжелых одеяниях обратились к Александру с хвалебным словом, в котором титуловали его Царем царей. Мимо чуткого уха македонского вождя не пролетела колкая шутка Филоты по поводу величественной титулатуры. Невольно вспомнился оазис Сив, ироническое письмо с едким поздравлением в связи с причислением Александра к пантеону египетских богов, и ненависть к Филоте с новой силой вспыхнула в царе.

Но не место в храме земным слабостям. И Александр остыл. Остыл так же внезапно, как вспыхнул. Как умел только он.

Верховный жрец в золотой тиаре вели-

чественно двинулся впереди процессии. По длинному коридору македонцы шли сзади, и широкие пурпурные одежды жреца закрывали от них все, что ждало их впереди. Но вот коридор внезапно закончился, и спутники Александра, не заметив, как отошел в сторону первосвященник, замерли в изумлении. Если бы перед ними ударила молния, они растерялись бы меньше. Что ж, они воздали бы умилиТЕЛЬНЫЕ жертвы Зевсу, и только!

Но огромный истукан, казалось выполненный из одного только золота, подавлял их воображение. Бесстрастное выражение лица символизировало абсолютное равнодушие к земным, человеческим заботам и слабостям. А неопределенная улыбка на круглом лице говорила о том, что «Господин земли» не остановится ни перед чем, чтобы утвердить свою божественную власть. Силу, эту власть реализующую, обозначали бич и связка колосьев, которые бог держал в своих руках.

«Да, – думал Александр, – Солнце всегда побеждает тьму. Это закон жизни. Точно так же, как дикие варвары поймут величие культуры Эллады, так же и я понимаю тебя, бог Баал. Хлеб для разумных и послушных, бич для дерзких смутьянов!»

За его спиной Парменион говорил сыну:

– Филотас, смотри, царь готов и этого уroda возвести на небесный Олимп. Скоро Посейдон и Афина окажутся прислугой при Аммонах и Астартах!

Филота криво усмехнулся и, встав на цыпочки, зашептал на ухо Клиту:

– Клитос, верный мой друг, тебе не ведомо, обогатилась ли македонская казна подношениями этого храма?

– Ни на один драхм! – прохрипел молочный брат царя.

А Александр, кивая своим мыслям, тем временем размышлял: «Но как преодолеть преграды на нашем пути? Как создать государство, которое не развалится от внутренних противоречий? Как добиться, чтобы народы и племена открыли сердца нашей культуре, восприняли ее как свою и

не проклинали македонцев за их крепкие мечи, остриями которых будет насаждаться новый порядок? Какой должна быть общая для всех, доступная и понятная культура, чтобы объединяла и сирийцев, и египтян, и набатеев, и греков? Она должна носить хорошо знакомые всем, узнаваемые и привычные формы. При этом каждой самобытной культуре придется чем-нибудь поступиться. Армия расчищает дорогу государственному устройству, а культуре... религия! Солнце, вот оно! Не Баал – Гелиос! Как Зевс-Аммон в Египте, здесь тоже будет бог для всех!»

Филота, принимая молчание царя за нерешительность, решил положить конец его колебаниям. Оглядев товарищей по оружию, он громко провозгласил:

– Вот лучшее подношение македонцам! Какой трофеей может соперничать с самим богом?!

Тогда Александр, царь македонцев, резко повернулся лицом к свите, и все увидели, что он находится в том состоянии бешеной одержимости, когда не только переступать ему дорогу, но даже просто не угодить чем-нибудь было смертельно опасно. В битве при Иссе, когда Александр во главе тяжелой конницы этеров пробился сквозь построение «бессмертных» к колеснице, на которой находился царь персов Дарий, и их разделяла дистанция в два древка копья, у Дария, в ужасе глядящего в безумные глаза Александра, все разметающего на своем пути, сдали нервы. Он обратился в бегство, и сражение персами было проиграно. Филота понял, что царь пребывает именно в таком состоянии, и потому прикусил язык.

– Отныне и во веки веков! – задыхаясь прокричал великий сын Филиппа. – Повелеваю заложить на этом месте храм, своим величием затмевающий все, созданное руками человеческими, истинно достойный храм Гелиосу!

Он стремительно ринулся сквозь строй своих сподвижников. За ним последовали только трое вернейших друзей: Гефести-

он, Птолемей и Неарх. Около выхода Александр резко остановился, положил огромную руку на плечо главного жреца и, повернувшись лицом в сторону святилища, возбужденно, но радостно сказал:

– Здравствуй, Гелиос, мое Солнце!

МАРАКАНДА – ГОРОД СКОРБИ

(г. Мараканда, совр. Самарканд, в Средней Азии, 328 г. до Р.Х.)

Будущий тесть царя Александра, сатрап Оксиарт, сохранивший свое положение и при македонцах, косноязычно и путанно старался убедить своего повелителя в том, что кочевое население Семиречья не выражает восторга в адрес македонской администрации. Что Спитамен, внезапно появляющийся во главе подвижной легкой конницы, своей добротой к туземцам стяжал славу национального героя. Что во главе местной сатрапии должен находиться либо туземец, либо известный и привычный туземцам перс, а отнюдь не македонец, ничего не понимающий в местном колорите и не желающий расставаться с ролью завоевателя. Пока македонские вояки будут возглавлять гражданскую администрацию, под знаменами Спитамена будут продолжать стекаться согды и массагеты, саки и скифы.

Александр резко дернул головой, и его лоб прорезала недовольная складка.

– Фанатики, отвергающие свет и тепло, исходящие от моей десницы, оказывающие сопротивление моим войскам и неповиновение администрации, должны уничтожаться. – Он говорил низким красивым голосом, который становился все громче и громче. От возбуждения и выпитого вина на виске вздулась жила. – Пора понять, что, как только туземцы перестают внимать моим словам и следовать моей воле, мирные дни для них заканчиваются!

– О великий царь, как всегда, небеса говорят твоими устами! – воскликнул Оксиарт и, соскочив с ложа на пол, поцеловал край его одежды. За ним вся средне-

азиатская знать бросилась целовать шапоровы Царя царей.

– Только глас бога мог бы вещать так мудро! – лебезил один.

– Наш великий царь равен богам и по рождению, и по уму! – стараясь поймать взгляд Александра, ворковал другой.

– Какое счастье лежать под его ступней! – восклицал третий.

Реализация программы по созданию синтетической культуры, которая должна была стать фундаментом новой державы, требовала определенных жертв не только со стороны подданных, но и со стороны царя. Пышная титулатура, величественный дворцовый церемониал, целование царской одежды и проскинеса (колени-преклонение перед царем) – все это как необходимую атрибутику власти восточного царя Александр вынужден был принять и ввести в обиход, понимая, что девять десятых населения его державы только таким будут воспринимать своего властелина и только такому властелину повиноваться. То, что верных македонцев коробили нововведения Александра, царь знал, и это его периодически раздражало. Но и допустить, чтобы горстка македонцев навязывала завоеванным свои традиции и представления о власти, он не мог.

С его точки зрения, он все делал правильно. И с довольной улыбкой наблюдал проявление покорности своих подданных, при этом думая, будто семена азиатской лести, брошенные в его сердце, никогда не дадут жизнеспособных побегов.

Он сидел, глядя поверх голов, действительно божественный, действительно мудрый и непобедимый сын хромого Филиппа, а к нему приближался, чтобы поцеловать одежду, Птолемей Лаг.

Но старая дружба и ежеминутная потребность этого человека не позволили царю уравнивать его с разряженными льстецами, обступившими царское ложе. Да и то сказать, кто бы из них смог захватить в Сузах пятьдесят тысяч талантов персидской казны, арестовать Бесса и посоветовать при

входе в колоссальную гавань Александрии Египетской поставить грандиозный маяк? Конечно, многие из новых царедворцев были талантливыми администраторами, но, как идеальные чиновники, они были лишены инициативы. Птолемей был прост, не чопорен, никогда не льстил царю, энергичен и инициативен.

– Птолемей, – сказал ему Александр, кладя на плечи военачальнику могучие руки, – твое место рядом со мной, как некогда в Пелле.

– Спасибо, царь, – спокойно ответил Птолемей, принимая приглашение как должное и занимая освободившееся ложе рядом с Александром.

Тут же подали полные чаши вина, Александр плеснул несколько капель на пол и воскликнул:

– Зевсу-громовержцу!

Все последовали его примеру. После пребывания в Египте Зевс-Аммон официально считался отцом царя, и сомнения в его отцовстве год от года становились причиной неприязни и опалы, которые Александр испытывал к сомневающимся.

И вот, как только Александр выпил все вино, он услышал песню. Она его заинтересовала. Он повернулся в сторону певца, и тот, видя, что царь обратил на него внимание, принялся петь громче. Он пел о недавнем поражении македонских стратегов, о незадачливом Пейтоне, которого Спитамен в Бактрах взял в плен со всем его отрядом.

Последние слова Александр подпевал уже сам, выстукивая ритм ладонями. Лицо его сияло, смех сотрясал стены трапезной. Он смотрел в глаза певцу-парфянину из последнего набора юношей-аристократов и удовлетворенно кивал собственным мыслям. Наконец кто-то догадался провести грань между прежним временем и нынешним. Граница македонской гегемонии не должна распространяться дальше Эллады. Македонцы выполнили свою роль – в короткие сроки вооруженным путем сколотили огромную державу из персидских

осколков. Теперь, чтобы гражданский мир стал принципом существования новой империи, ни один народ не должен иметь преимуществ перед другим. Тем более если учесть малый процент македонцев от всего населения державы и их культурную отсталость.

– Стойте! Стойте! – громopodobный голос сотряс атмосферу пиршественной залы. Все обернулись и увидели, что хмельной Клит стоит в вызывающей позе, повернув гневное лицо в сторону царя. – Наверное, смеются сейчас над македонскими глупцами олимпийские боги, видя, как скоро они забыли, кому обязаны своим быстрым возвышением!

– Молочный брат, ты опять буйствуешь? – закипая от негодования, спросил Александр.

– Царь, твой отец создал македонское государство не для того, чтобы его подданные пили с персами из одного кубка. Твой отец заставил гордые Афины признать гегемонию Македонии не для того, чтобы ты братался с персами. Великий царь Филипп создал армию, которая на краю Ойкумены продолжает оставаться твоей единственной опорой не для того, чтобы ты отправлял на родину закаленных ветеранов, заменяя их парфянскими и бактрийскими слизняками! Почему смеются над твоими соратниками трусливые, лицемерные персы? Почему ты поешь вместе с ними и вместе с ними смеешься над сподвижниками своего великого отца, забыв родину? Я отвечаю тебе: ты сам стал персом!

– Клит, сегодня равны все: и македонцы, и греки, и египтяне, и персы. Я не могу выделить какой-нибудь один народ, чтобы тем самым не ущемить другой. И так будет до тех пор, пока я царствую. К чему тогда твои упреки?

Клит набычился и произнес:

– Твой учитель Аристотель говорил: «Варвар и раб по природе своей понятия тождественные. Уже непосредственно с момента рождения некоторые существа различаются в том отношении, что одни из

них как бы предназначены к подчинению, другие – к властвованию». Персы по природе своей рабы! А ты всюду оказываешь им предпочтение перед македонцами, подчеркиваешь свои симпатии им. Готовишь свадьбу с персидской княжной. Уничтожил Димна, Филоту и Пармениона, отстаивавших власть македонцев над варварами. Ты забыл своего отца и великого учителя!

Каллисфен, племянник Аристотеля и личный друг царя, приблизился к Клиту, в то время как другие шарахались от него как от чумного.

– Нет, я не забыл слов своего бывшего учителя! И вспоминать их не хочу, потому что практика опровергла то, что было красиво на словах. Но если ты ссылаешься на учителя, значит, трусишь выдвинутые в мой адрес оскорбления назвать своими! Клит, ты трус! – Александр громко и издевательски обидно для Клита рассмеялся. Чувствовалось, что он вовсе не хотел уладить ссору мирным путем.

– Я трус? – изумленно воскликнул гигант, но тут же, вытянув вперед правую руку, напыщенно произнес: – Вот эта рука спасла твою жизнь при Гранике!

Александр, шаря вокруг себя руками в поисках какого-нибудь оружия, закричал, не в силах больше сдерживать ярость:

– Негодяй, неужели ты думаешь, что тебе удастся восторжествовать, всякий раз говоря обо мне такие вещи и вооружая тем самым против меня македонцев!

Каждую секунду бешенство все больше овладевало им. Видя это, Птолемей поспешно, но со свойственной ему осторожностью, незаметно для окружающих спрятал царский кинжал. Каллисфен безуспешно пытался оттеснить Черного Клита к выходу.

– Я вернусь в Пеллу и расскажу твоей матери, какого сына она родила на горе всем македонцам! – прокричал Черный Клит и зловеще улыбнулся.

От этих слов Александр подскочил и приказал страже трубить тревогу. Но никто

ему не подчинился. Тогда, не найдя никакого тяжелого предмета под рукой, он схватил яблоко и бросил его в лицо молочному брату.

Птолемей подбежал к Клиту и при помощи Каллисфена вывел безумца из зала.

Свободный от дежурства паж Гермолай протянул Клиту огромный кратер вина со словами:

– Выпей, Клитос. Ты последний герой среди македонцев!

А из зала доносились бешеные возгласы Александра:

– К воронам Клита! Не брат он мне больше! Отныне я не доверяю ему половины этеров! Пусть Гефестион командует всей конницей! К воронам Клита!

Когда Клит понял, что его место под солнцем всецело занял другой, он отшвырнул от себя опустошенный сосуд и шатаясь ворвался в зал, но уже через другие двери.

Обратив на себя внимание царя, он продекламировал из «Андромахи» Еврипида:

*Как плох обычай наш. Когда трофей
У эллинов победный ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один хвалу себе берет!*

– И смерть твою, собака, я возьму на себя! – С этими словами Александр вырвал у ближайшего телохранителя копье, и, не успев Птолемей помешать, как Клит рухнул на пол, пронзенный насквозь тяжелой боевой сариссой.

Какое-то время царь находился в оцепенении. Потом спина его сгорбилась, плечи затряслись, и, истерично заревев, он упал на труп своего бывшего друга.

Птолемей обвел присутствующих суровым взглядом и произнес:

– Душа последнего смелого человека отошла в царство теней. Скорбите!

Накинув на голову полу хитона, он встал над двумя лежащими на полу телами. Александр безудержно плакал.

Во дворце, в городе Мараканде, во всей македонской армии на много дней воцарилась скорбь.

ДВЕНАДЦАТЬ АЛТАРЕЙ

(Индия, 325 г. до РХ.)

Друзья, соратники, телохранители, все, стоявшие рядом, увидели, как изменился в лице Александр. Нервная судорога перевернула твердую линию губ, расширились глаза, в которых отразились наполнявшие его чувства: гнев, отчаяние, бессильная и ненужная теперь ярость.

Боги отчетливо и недвусмысленно сделали предостерегающий знак: продолжать поход опасно. Надо поворачивать к дому, к далекой, но не забытой Элладе. Раненые, покрытые шрамами и струпьями ветераны падали на землю, катались, веселились как дети, смеялись, не скрывая своей радости. Александр делил с ними все тяготы войны, сокровища персов; на полях сражений его кровь перемешивалась с их кровью; вместе с ними он пил вино и любовался женской красотой, умирал и воскресал. Но нигде: ни в Египте, ни в Вавилоне, ни в Мараканде – не видел Александр своих воинов такими счастливыми, как здесь, на пятой по счету от Инда реке Гифасис.

Но в эту минуту, именно здесь, в преддверии заветной, долгожданной Индии Александр ненавидел своих воинов; да что там воинов, он ненавидел всех, кто не хотел следовать за ним дальше. А из таковых состояло все его войско. Раньше ему казалось, что он знал все, чем их можно было увлечь за собой на край Ойкумены. Сначала это был высокий долг мести. Для македонцев – мести за убитого персами царя Филиппа. Для греков – за поруганную Дарием Гистаспом и Ксерксом Элладу. За разбитый мрамор белых, светлых храмов, за тысячи эллинов, угнанных в рабство на чужбину, за сожженные города и сады, за разграбленные шедевры искусства. После захвата Персиды пришлось убеждать фалангитов, этеров и стратегов в преимуще-

ствах военной добычи, лежащей где-то на Востоке и обладая которой никто никогда не станет бедняком, вернувшись к родному очагу. Но теперь, когда каждый богат как Крез, когда даже командиры ропщут на царя, когда только ленивый не участвует в заговорах, когда от тридцати пяти тысяч македонцев в войске осталась половина – какой еще ценой купить поход в Индию? Чем привлечь усталых, немощных и пресыщенных к последнему рывку, результатом которого будет достижение океана, омывающего Землю? Тем более что Индия, как выяснилось, – это не край Ойкумены, и, кроме царя, никто не хочет бесконечно жертвовать жизнью в поисках недосягаемого.

Александр отрешенно наблюдал за массовым ликованием, с горечью осознавая, что для него теперь каждый следующий день будет скучнее предыдущего. Аристотель говорил, что Индия – это край Ойкумены. За Индией земли больше нет – один океан. Многие из того, что говорил Аристотель, жизнь опровергла, но за прозрение пришлось заплатить очень высокую цену. Парменион, Филота, Димн, Черный Клиг, Гермолай, Каллисфен пали жертвами навязанного Аристотелем эллиноцентризма. Теперь сам Александр стал жертвой постулатов ученого о размерах Земли. Мечта, которую еще пару лет назад, казалось, можно было воплотить, превращалась в несбыточную химеру. Ни дворцы, ни наложницы, ни золото, ни роскошь не нужны были Александру – всем этим он щедро делился с друзьями и соратниками. Последние двенадцать лет он жил одной мечтой – добраться до океана и прославиться своими подвигами. Все остальное имело лишь прикладное значение. И от этой мечты, от самого дорогого, что у него было, приходилось отказываться. Только самые близкие царю люди догадывались, что для Александра значило прекращение похода на Восток.

Но самое страшное произошло днем раньше, когда войско объявило о своем от-

казе двигаться дальше на Восток. Это днем раньше Александр был бешен от отчаяния и бессилия, прекрасно понимая, что выместить злобу на всех он не в состоянии. А теперь он разыгрывал фарс, чтобы войско поверило, будто все происходящее зависит не от него, а от божественного предначертания. Так будет лучше, решил царь. Во всяком случае, никто никого не упрекнет. Поэтому, лицом и жестами выражая искреннее огорчение от результатов предсказаний, он сохранял трезвость мысли и ясность ума, что было ему свойственно и что помогало находить верные решения, казалось бы, нерешаемых проблем. Здоровый, конструктивный прагматизм в сочетании с гипертрофированным романтизмом возвышали царя на несколько голов над самым талантливым человеком его эпохи. Его гениальность и лидерство никем и никогда не оспаривались, он сам осознавал свое превосходство над окружающими, но здесь, в жаркой и влажной долине Инда легче от этого не становилось.

Он смотрел на своих соратников, прошедших с ним вместе путь, который под силу был разве что богам, и видел, что только его присутствие удерживает их от того, чтобы в обнимку не расцеловаться от счастья. Спасительный Кенос, безумно отчаянный Кратер, мудрый, разумно храбрый Птолемей, силач Селевк – все они, еще недавно кивавшие головами после каждого его распоряжения, говорившие: «Великий царь!» – и целовавшие его, стали ему чужими. Впервые он понял, что их интересы расходятся. О чем они мечтали? Каждый о своем маленьком царстве, где все будет как в самой банальной восточной деспотии. А если он погибнет, то они тут же разорвут друг друга за обладание Бактрией, Египтом, Месопотамией, Фригией, Македонией. Уже сейчас они грызутся за его спиной. Кратер постоянно завидует Гефестиону, Селевк – Кеносу. Нашептывают друг на друга, ссорятся из-за многочисленных женщин и гетер. Нет, не об этом мечтал Александр, когда снял в Трое

гигантский щит Ахиллеса. Великие, необозримые просторы Азии манили его разгадать их тайны, сплотить народы независимо от рода и веры в одну мировую державу.

В ком найти поддержку? Верный Гефестион остался на Гидаспе строить два города – Никею и Букефалию. Птолемей себе на уме. Неарх предпочитает молчать. Или помалкивать...

Под восторженные вопли войска Александр медленно входил в свою палатку, думая о духовном одиночестве, внезапно обрушившемся на него.

Поздно вечером к нему пришли Птолемей и прорицатель Аристандр. Говорить начал старик. Он говорил о незнании пути, о нехватке проводников, об армии, истощившей свои силы. О губительном климате индийских речных долин, о том, что, по самым приблизительным подсчетам, до океана остается столько же пути, сколько было пройдено от дельты Нила. Александр устало возразил, что все это он знает, что испытаний перенес не меньше, чем любой гоплит из фаланги, однако стремление стяжать славу первопроходца в нем не убавилось. Прорицатель ответил:

– Ты царь, и идея эта первоначально была только твоя.

Александр не стал спорить. Спорить было бесполезно.

Тонкий политик и осторожный царедворец, в которого со временем превратился друг юности Птолемей, принялся вспоминать битву за битвой, количество погибших в них македонцев и эллинов, города, в которые они уже никогда не вернуться. Он восхвалял ум и гений царя, его мудрость, называя подвигом, достойным мифических героев, бессмертный поход, несомненно, душой которого был Александр.

– А военная слава? – спросил царь.

Птолемей развел руками и напомнил о переменчивом характере этой прекрасной дамы. Достигнуто невообразимо много. Так почему же не вернуться, не дать отдыха армии, а через пять лет нанести, как

предлагал Непарх, комбинированный удар с суши и с моря и доказать живущим на краю Ойкумены, что македонцы и в самом деле непобедимы.

Слова Птолемея убедили Александра, дав совершенно неожиданный ход его мыслям. Стало ясно, что сюда он больше не вернется. Продолжать опостылевшую борьбу на Востоке было не с кем. Духовно сломленные сподвижники уже не в состоянии будут участвовать в бесконечно длинном походе.

Эти рассуждения вернули Александру трезвость мысли, рожденную неистребимым прагматизмом.

Всегда подчеркивая, что по отцу и по матери он потомок Геракла и Ахилла, что кроме кровного он имеет с ними духовное и воинское родство, наутро, как бы прощаясь с бесконечными равнинами Инда, Александр повелел:

*В честь битвы при Гранике,
В честь взятия Галикарнаса,
В честь сражения при Иссе,
В честь штурма Газы,
В честь преодоления обороны Тира,
В честь перехода через Либийскую пустыню к оазису Сив,
В честь разгрома персов у Гавгамелы,
В честь взятия Персидских ворот,
В честь захвата древней персидской столицы Персеполя,
В честь бактрианской кампании,
В честь победы над царем Пором у реки Гидасп,
В честь тридцати восьми захваченных аратских городов
Поставить здесь, на равнине Индии, возле реки Гифасис двенадцать мраморных алтарей во славу македонцам, двенадцать подвигов которых не уступают подвигам Геракла!*

В честь богов было совершено несколько гекатомб, после чего Александр с войском погрузился на корабли и спустился вниз к устью Инда.

Никто из них сюда больше не вернулся.

СМЕРТЬ В ВАВИЛОНЕ

(Вавилон, 323 г. до РХ.)

Мутные воды Евфрата лениво гладили берега, на которых раскинулся великий город. Это был самый огромный и, вероятно, один из самых древних мегаполисов на том пространстве, которое обошли македонцы и эллины, ведомые своим легендарным царем.

Александр сделал Вавилон столицей своего огромного царства и пренебрег устрашающими пророчествами, в прежние времена он обязательно бы к ним прислушался. Жрецы просили Александра повременить со вступлением в город с войском и не восстанавливать Этеменанки – храм бога Маргуда, известную Вавилонскую башню. После крушения надежд в восточном походе все последующие деяния представлялись ему мышиною возней, поэтому он ни с кем и ни с чем не считался. Смерть Гефестиона и предательство Гарпала напомнили Александру о бренности всего сущего, а привычка учитывать только собственное мнение вынудила царя пренебречь предостережениями жрецов. В воображении Александра стал выстраиваться поход на запад, до Геракловых столбов. Со свойственной ему энергией он приступил к его реализации и обращать внимание на мелкие неудобства не собирался. Александр вступил в Вавилон и принялся готовить строительную площадку для огромного зиккурата.

Продолжая проводить политику по сближению культур и народов, Александр бракосочетал несколько тысяч своих воинов с представительницами туземных народов, щедро одарив молодоженов, позаботившись о будущем их детей. Как всегда, он начал с самого себя, присовокупив к Рокшанек еще двух жен персидского происхождения: Статиру и Паризатиду. Огромный гарем считался символом власти восточного владыки, а в гареме Александра было пока только три жены.

Поход на Запад требовал обновления воинского контингента, и Александр при-

нял на службу тридцать тысяч молодых персов, больных и усталых ветеранов отправив на родину в Македонию, выделив на их дальнейшее существование огромные средства. От стратега Македонии и Эллады Антипатра царь потребовал явиться в Вавилон с вверенным ему войском. Антипатр остался на Балканах, войско прислал, но не столько, сколько требовал царь, а гораздо меньше, но и этому Александр был рад. Он дал пир в честь прибывших македонцев и Кассандра, сына Антипатра.

А в это время казначей Гарпал, убежавший в Грецию от преследований за растрату, стал подбивать эллинов к отделению от союза с Македонией. Демосфен, подкупленный им и уличенный в коррупции гражданами Афин, вынужден был покинуть Аттику. Мать Александра Олимпиада слала сыну письма, в которых требовала жестких санкций по отношению к Антипатру, за годы отсутствия царя ставшего полновластным правителем Македонии и Греции.

После пира, на котором второй сын Антипатра Иол, главный виночерпий царя, особенно старался напоить его, Александр почувствовал себя плохо. Первые дни он не обращал внимания на недуг, продолжал заниматься делами, подготовкой к предстоящему походу, подолгу беседовал с Неархом. Но за лечением выздоровление не следовало – самочувствие его ухудшалось.

Когда он не смог ходить и лежал, прикованный к постели, к нему допустили друзей, соратников и воинов, чтобы они могли с ним попрощаться. Александр только кивал головой и поднимал руку, когда узнавал подходивших к нему.

Дороже этих людей у него никого не было. И он был для них самым дорогим человеком. Александр это знал. Он знал и то, что стоит ему умереть, как они тут же передерутся, словно пауки в банке. Только его неукротимая энергия и все возрастающая авторитет и власть удерживали этих

незаурядных людей от самоистребления. Многим казалось, что царь теряет сознание и мало кого узнает. Но это было не так. Просто ему, как и некоторым гениальным людям, перед смертью судьба-Ананка раскрывала будущее. И Александра в последние мгновения жизни больше интересовало не настоящее, а то, что ожидало людей и мир в дальнейшем, сразу и через много лет после его смерти.

К нему подошел Пердикка, и Александр, держа руку старика, руку, которая в Индии вытащила из его груди стрелу, внезапно увидел, как Пердикка погибает в Египте, пытаясь усмирить сепаратизм отложившихся диадохов.

Когда перед царем предстал Леоннат, Александр увидел его воюющим на стороне наместника Македонии Антипатра, а вслед за тем увидел и его гибель в Европе. Рядом с телом Леонната он увидел мертвое тело Кратера и останки отравившегося Демосфена, запятнавшего свою репутацию демократа взяткой в двадцать талантов, полученной от растратчика казны Гарпала. И Гарпала он увидел нашедшим смерть на Крите как достойное возмездие за растраты и подкуп врагов Македонии.

Эвмен, сатрап Каппадокии, плакал, подойдя к умирающему завоевателю. Александр с трудом узнал его. Но как только царь понял, кто стоит перед ним, он увидел мучительную смерть этого человека, после того как Антигон Одноглазый, взяв его в плен, распорядился предать Эвмена изощренной казни.

И смерть Антигона Александр увидел вслед за этим. И гибель матери, которую воины забили камнями по приказу Кассандра. И гибель жены и сына, рожденного после его смерти, которых утопили, связав спиной к спине, по приказу все того же Кассандра.

Лисимах плакал над ложем царя, вспоминая битвы и деяния, сопровождавшие их беспримерный поход на Восток. А Александр внезапно увидел его гибель в сра-

жени при Корупедии, когда воины Селевка буквально разорвали тело Лисимаха боевыми сариссами.

Селевк, огромный, как скала, руками останавливающий на бегу пятилетнего быка, был потрясен внезапным уходом Александра в мир иной. И Александр, искренне любивший этого незлобивого человека, внутренне сокрушался, видя, как через много лет сын Птолемея, садист и выродец, изгнанный отцом из Египта, осквернивший себя убийством детей Лисимаха, убивает кинжалом восьмидесятилетнего Селевка.

В лучах славы мудрого правителя представился Александру образ будущего царя Египта Птолемея Лага. Но то, что предстояло сделать Птолемею для достижения подобной славы, начиная с похищения гроба Александра и кончая вереницей предательств своих вчерашних друзей, вызвало конвульсивную судорогу, пробежавшую по телу умирающего царя.

Уходя из мира живых, царь успел подумывать о Неархе. Но ни среди прощавшихся с ним, ни в будущем времени он не увидел критского морехода. Точно так же как не увидел флота, которым командовал Неарх.

Как не увидел он построенной Вавилонскую башню, которую бросили строить после его смерти. Она стала символом неудачной попытки преодолеть племенные и религиозные предрассудки ради построения универсальной культуры, которая смогла бы объединить народы огромной империи в один, живущий в братстве народ.

Увидев будущее, Александр понял, что преодолеть вековые традиции и систему взглядов на мир невозможно. Братоубийственные войны и омерзительные злодеяния его диадохов были следствием этого. Вылезшие из своих маленьких нор на необозримые пространства Ойкумены, лучшие из лучших македонцев стали вести себя так же, как и в норах, только с космическим размахом. Их поведенческий сте-

реотип не изменился, а стал более консервативным.

Для чего же тогда он жил и боролся?

Александр не находил ответа на этот вопрос, поэтому, наверное, смирился с уходом в царство теней...

Летом в Вавилоне было очень жарко и душно. Огромные массы людей, собравшихся со всего мира, пришли попрощаться с великим героем. Каждому хотелось увидеть божественного царя и рассказать о нем тем, кто был лишен такой возможности. Пыль на улицах, на чахлой растительности и даже на поверхности Евфрата затрудняла дыхание. Казалось, что воздуха совсем не осталось в городе, в который набилось более двух миллионов человек.

Дыхание царя едва ощущалось.

По щекам присутствующих текли слезы, но рыдать никто не смел. Умирал не отец семейства, не царь-законодатель или реформатор, а великий, царственный, божественный герой. Поэтому провожали его в последний путь, как положено провожать величайших героев. Александру было тридцать два года и восемь месяцев, и невозможно было поверить в то, что все сделанное им было сделано до этого срока. Но это было так, и все это знали.

...Александр уже не видел и не ощущал окружающей его реальности. Он звал Таната, бога смерти, чтобы поскорее перенес его душу туда, где положено ей находиться после смерти.

И Танат явился. И забрал то, что ему было положено забрать, оставив тело людям для погребения.

Переносимый в царство теней, Александр в последний раз бросил взгляд на мир живых, и Ананка-судьба вновь приоткрыла перед ним завесу над будущим...

... Исчез Вавилон — величайший город Ойкумены, засыпанный песками и переотложившейся почвой. Через две тысячи триста лет археологу Кольдевею понадобится снять от двенадцати до двадцати четырех метров культурного слоя, чтобы раскрыть мертвый город времен Александра.

... Эллинизированные правители Бактрии и Парфии еще несколько столетий любовались античными скульптурами, портиками, ходили в театры и на ипподромы. А потом волна возрождения национальных традиций уничтожила непонятные народу шедевры скульптуры и архитектуры, стерев саму память о чуждой культуре и цивилизации.

... Индия отделилась от империи Александра самой первой. И только появившиеся при царе Ашоке изображения Будды в виде человека явились слабым доказательством влияния эллинистической культуры на культуру Индии.

... Только через четыреста пятьдесят лет после смерти Александра китайские путешественники, проникшие в Бактрию и Согдиану, впервые услышат о нем.

... Греция и Македония, заваленные восточным золотом, испытают жесточайшие инфляцию и экономический кризис, связанные с многократным превышением спроса над предложением. С этой точки зрения поход Александра на Восток не обогатил метрополию, а, как ни странно, сделал нищей и жалкой, ставшей вскоре легкой добычей Рима.

... Эллины, поселенные от Киренаики до Инда, в основанных Александром городах, так и не слились с туземцами в одну этнокультурную общность. Передав туземцам некоторые навыки в прикладном искусстве, эллины бесследно растворились в восточном море традиционной культуры и самобытных религий.

... Город Александрия Египетская на столетие стала культурной жемчужиной Средиземноморья. Со временем, потеряв значение законодательницы культурных и научных мод, она продолжала и через тысячелетие своими величием и красотой славить имя своего создателя.

... Попытка соединить чуждые религии и этику в итоге обернулась разгулом языческой безнравственности, которую стыдливо стали называть эллинизированным вольнодумством.

... Через девятьсот шестьдесят лет после Александра такая же попытка соединить несовместимые культуры и народы кочевников и земледельцев, предпринятая Тай Цзунном Ли

Ши Минем в империи Тан, обернулась таким же крахом.

... Чингисхан, Батый, Тамерлан и Наполеон будут сравнивать свою завоевательную деятельность с такой же деятельностью Александра, и, как объективно впоследствии решат историки, сравнения эти будут не в их пользу.

... Задуманный Александром гигантский маяк на острове Фарос при входе в Александрийскую гавань, послужит людям полторы тысячи лет, станет шестым чудом света и рухнет лишь от землетрясения.

... Седьмому чуду света, тридцатишестиметровому колоссу на острове Родос, изображающему бога солнца Гелиоса, скульптор Хорет придаст внешнее сходство с Александром. Колосс простоит недолго, чуть более семидесяти лет, и будет повержен страшным землетрясением. Недолгая судьба родосского чуда и последующая слава как бы повторяли судьбу и славу прототипа.

... Великий поэт Фирдоуси, написавший поэтическую историю Ирана «Шах-наме», с большой любовью и уважением посвятит несколько глав македонскому царю.

... Через полторы тысячи лет после смерти Александра любой мальчишка на базаре в исламском мире легко сможет продолжить рассказ о фантастических подвигах Искандера Зуль Карнайн.

... Баальбек, величайшая постройка мира, в основании которой находятся тысячетонные монолиты, привезенные из далеких каменоломен, вызывает у любого созерцателя мысли о божественном или неземном происхождении этого чуда.

... Самые выдающиеся полководцы последующих тысячелетий будут гордиться тем, что приходятся тезками Александру Македонскому.

... Удивительная судьба молодого македонца не оставит никого равнодушным на протяжении тысяч лет, будоража воображение одних и вызывая скепсис у других ...

Это и еще многое открыла Ананка-судьба душе молодого человека из царственного македонского рода, когда бог

смерти Танат увлекал ее на суд в подземное царство, где должно было определиться ее местопребывание: на островах Блаженных или в Царстве мертвых. И куда она попала в конечном счете, мы не знаем. Знаем только, что образ Александра стал бессмертным.

...Перед смертью гениальным людям открывается будущее.

Мы не знаем, удалось Александру увидеть будущее или нет. Мы знаем, что оно было именно таким.

P.S. Существует легенда, будто Александра похоронили, скрестив ему, по его просьбе, руки на груди ладонями вверх. Это должно было означать, что туда, куда он ушел, невозможно взять и миллионной доли того, чем он обладал в этом мире. Кроме его славы. До сих пор ни могила, ни место захоронения Александра не найдены...

Исторический словарь

Гекатомба – общественное жертвоприношение.

«Бессмертные» – 10 тысяч телохранителей персидского царя, количество которых было постоянным.

Гекзаметр – греческий шестистопный стих.

Гоплит – тяжеловооруженный пехотинец.

Гормодий и Аристокитон – известные в Афинах убийцы тирана Гиппарха в 514 г. до Р.Х. Скульптор Антенор вскоре создал знаменитую парную статую, ставшую памятником борцам за свободу.

Диодохи – полководцы Александра

Македонского, боровшиеся после его смерти за власть (от греч. *diadochos* – преемник).

Зиккурат – культовая башня в архитектуре Древней Месопотамии; сооружалась из кирпича-сырца и состояла из 3–7 ярусов, соединявшихся лестницами и пандусами.

Наварх – мореплаватель, командир корабля.

Перипатетики – ученики Аристотеля, приходившие на занятия к философу в крытую галерею (*peripatos* – греч.).

Сарисса – кавалерийское (до 2 м) и пехотное (до 6 м) тяжелое копье с широким наконечником.

Стратег – военачальник, командующий крупным войсковым соединением.

Фаланга – тесно сомкнутое линейное построение тяжеловооруженной пехоты в античный период; фалангит – воин фаланги.

Шекель – медная монета, имевшая хождение в странах Передней Азии. В описываемое время выходила из употребления.

Эвксинские колонии – греческие колонии на берегах Эвксинского понта (Черного моря).

Этеры – тяжеловооруженная македонская конница, комплектуемая представителями родовой аристократии.